НОВОЕ

ЗНАМЯ

1986—2006

SHOUT
SHARE
IT

- Юрий Арабов

Юрий Арабов
Однажды в «Знамени»…

Во времена далекой молодости, когда приходилось знакомить со своими творениями уставших редакторов московских журналов, у меня выработалось устойчивое чувство неловкости. Неловкости за то, что отнимаешь драгоценное время у очень занятых людей. Толчком к возникновению этого скорбного чувства послужил разговор с хорошим поэтом, который по совместительству работал редактором в одном издательстве. На мой возмущенный возглас, вырвавшийся из-за предчувствия очередной катастрофы (стихи *опять* не подошли, *опять* провалились), этот поэт тихо сказал мне: «Мы ведь и Батюшкова пропустили. А вы хотите, чтобы мы вас после этого печатали!..». Я был убит, раздавлен. Мне совершенно ясно представилось, как Батюшков приносит стихи моему поэту, а тот не печатает, и Батюшков сходит с ума. Мне и в голову не пришло, что Батюшков жил на полтора века раньше. Я решил, что если уж с известным поэтом произошла такая лажа, что его кто-то пропустил (куда? к кому?), то мне вообще нужно молчать в тряпочку. И я решил стихи больше не носить и не показывать. Тем более что мы жили тогда в стране поэтов и инженеров, — тут все без тебя напишут, все без тебя прочтут. Но в перестройку, на премьере фильма, поставленного по моему сценарию, ко мне подошел Сергей Иванович Чупринин. Пристально глядя из-за толстых стекол очков, он опрометчиво предложил: «Вы бы принесли нам что-нибудь!». «Что принести?..» — растерялся я от неожиданности. «Ну, хотя бы стихи», — сказал наобум Сергей Иванович. Здесь в моей душе что-то оборвалось. «Но вы же Батюшкова пропустили!..» — истерически крикнул я. Сергей Иванович примерно с минуту обдумывал этот неожиданный всхлип. А потом заметил: «Ну и что? Мы Батюшкова не печатали и печатать не будем. Он не пройдет у нас редколлегию…» Сказал и ушел.

А может, он сказал что-то другое. Не помню уж точно, только я с неделю обдумывал странное предложение. И решил: если хороший человек просит, то как ему, хорошему человеку, откажешь?.. В общем, принес что было. Листов на пятьсот. А может, поменьше. И с тех пор пошло-поехало… Как подходит очередной Новый год, так у меня уже проблема — нужно что-то нести в «Знамя», а что нести? Ничего же нет. Сажусь, пишу. Несу. Печатают… Я уж говорил любезной Ольге Юрьевне Ермолаевой, что возглавляет отдел поэзии: «Да прекратите вы это! Как такое

вообще можно печатать? Рифмы какие-то, метафоры… Кто сейчас пишет в рифму? Это же противоестественно!..». И в только что ушедшем году, протерпев десять лет моих уговоров, Ольга Юрьевна вдруг послушалась и не напечатала. Зато я ей и отомстил: принес подборку в несколько раз толще прежних, — посмотрим, как Ольга Юрьевна выкрутится…

Есть ли журналы лучше, чем «Знамя»? Возможно. Только я их не читаю. Потому что они меня не печатают. Во всяком случае, стихов… Есть ли редакторы лучше, чем в «Знамени»? Наверное, есть. Был такой редактор Пушкин. Но тот же Батюшков все равно сошел с ума. А я пока не сошел. Так что считаю, мне повезло. С редакторами уж точно. А вообще-то…

Вообще-то чрезвычайно сложно признаваться в любви. Да еще и публично. В наше циничное время. И чтобы избежать неловкости, я, пожалуй, замкну уста и накропаю чего-нибудь новенькое. А молодым пожелаю заиметь точно такой же хороший журнал, как «Знамя». Хотя им, молодым, можно печататься и здесь. Но только после меня.